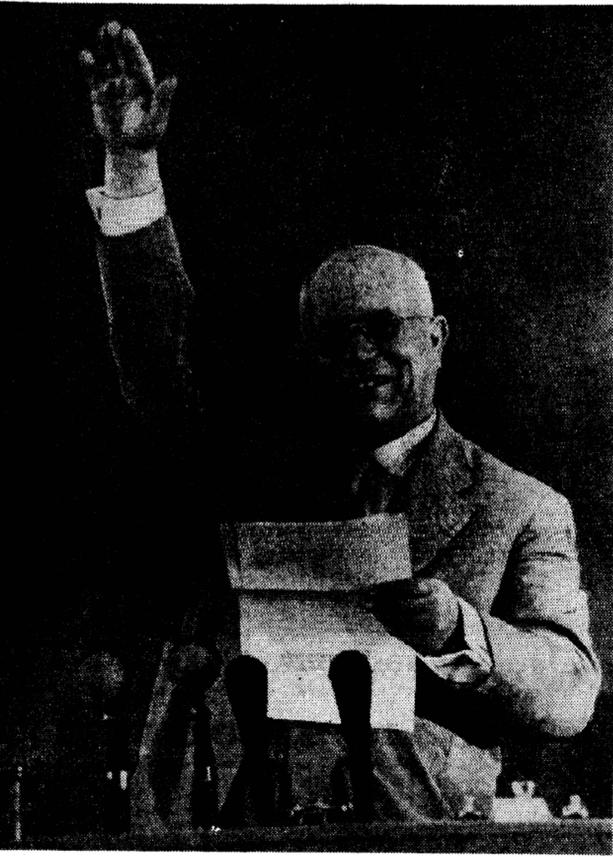

ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ НЕ ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ

Новые предложения Советского правительства

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев выступает на пресс-конференции. Фото М. Трахмана

В ЧЕРА в Кремле состоялась пресс-конференция Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева — событие огромного международного значения. С напряженным вниманием слушали советские и иностранные журналисты спокойные, мудрые слова главы нашего правительства, обратившего к своим коллегам всех стран в Послании по вопросу о всеобщем и полном разоружении. Ведь это «вопрос вопросов», проблема номер один, как любят выражаться западные обозреватели, впрочем, чрезвычайно мало сделавшие для пропаганды великой идеи всеобщего и полного разоружения — как и их правительства для протравления ее в жизнь. Только Советский Союз настойчиво, последовательно борется за то, чтобы эта проблема вышла, наконец, из сферы кабинетных обсуждений и общих деклараций и вошла в жизнь народов, чтобы наступил день, когда человечество начнет жить без войн и военных столкновений.

Готовясь к Парижскому совещанию глав правительств, Советское правительство разработало предложения, которые разнашивают дальше известную всему миру советскую программу всеобщего и полного разоружения. Эти предложения, — сказал вчера Никита Сергеевич, — были разработаны Советским правительством для внесения и обсуждения на совещании Глав правительств в Париже. Мы готовились к встрече в верхах с самыми серьезными и добрыми намерениями, — подчеркнул он, — и ехали в Париж, как я уже об этом говорил, не с пустым чмоходом. Советское правительство рассчитывало, что на совещании Глав правительств удастся продвинуть вперед решение важнейших и неотложных проблем наших дней, в том числе главной проблемы современности — проблемы всеобщего и полного разоружения. К сожалению, правительство США своими провокационными действиями сорвало встречу на высоком уровне, и нам не удалось обсудить в Париже вопрос о всеобщем и полном разоружении и другие важные международные вопросы.

Последние события, — подчеркивает Н. С. Хрущев, — не только не уменьшили, а, наоборот, усилили необходимость добиваться всеобщего и полного разоружения, ликвидации опасной и ненужной народам гонки вооружений. Всем понятны эти простые слова. Да, агрессивные действия американской военщины только подтверждают, что надо поскорее, не откладывая в долгий ящик, решать проблему всеобщего разоружения. Новые предложения нашего государства конкретны, точны, реалистичны; их не сравнишь с пламенем открытого неба (его, оказывается, и в Париж в своем портфеле президент Эйзенхауэр). Этот «план» Никита Сергеевич назвал вчера «челювким» предложением.

Как должно и как может начаться осуществление всеобщего и полного разоружения? «Будучи горячим сторонником возможно более скорого изабления человечества от угрозы возникновения ракетно-ядерной войны», — сказано в Предложениях Советского правительства, — Советское правительство предлагает договориться о том, чтобы начать процесс всеобщего и полного разоружения с запрещения и уничтожения под международным контролем, уже на первом этапе,

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 66 (4191)

Суббота, 4 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

РАЗУМ, ВОЛЯ НАРОДОВ ПОБЕДЯТ!

На пресс-конференции Никиты Сергеевича Хрущева

всех средств доставки к цели ядерного оружия при одновременной ликвидации военных баз на чужих территориях.

Это значит, что мы пошли навстречу правительству Франции, которое настаивало, чтобы практическое осуществление программы разоружения было начато с уничтожения средств доставки ядерного оружия. Пошли не это — несмотря на то, что Советский Союз располагает в настоящее время общепризнанным превосходством в наиболее современных и эффективных средствах доставки, в том числе и в межконтинентальных баллистических ракетах!

В разработанных Советским правительством основных положениях Договора о всеобщем и полном разоружении разъясняется, что такое «средства доставки», что должно быть сделано на первом из трех этапов разоружения. Нужно изъять из вооруженных сил государств, прекратить производство и уничтожить: — ракеты стратегического и оперативно-тактического назначения, самолеты-снаряды всех видов, все военные самолеты, способные доставлять ядерное оружие; — надводные военные корабли, могущие быть использованными в качестве носителей ядерного оружия; — подводные лодки всех классов и типов; — все артиллерийские системы, а также другие средства, которые могут быть применены в качестве носителей атомного и водородного оружия.

Одновременно производится вывод всех иностранных войск с чужих территорий в пределы своих национальных границ, ликвидируются все иностранные склады и базы. «Осуществление этих мероприятий — в самом начале проведения программы разоружения», — говорится в Послании Н. С. Хрущева, — устранило бы угрозу внезапного развязывания ядерной войны и радикально изменило бы международную обстановку.

Под смех присутствующих Никита Сергеевич вчера так дополнил этот тезис: — Тогда президент Эйзенхауэр со своей компанией: Гертером, Диллоном, Даллесом, — пусть и Никсона не забудет, — может летать не так, и эдак, летать во всех направлениях, как хотит. А мы будем махать им с земли, приветствовать, потому что тогда такие полеты самолетов уже никому не будут угрожать.

Советские и иностранные корреспонденты задали Н. С. Хрущеву много вопросов.

Корреспондентка английской газеты «Обсервер» Нора Белова спросила, что будет осуществлено в первую очередь — уничтожение «средств доставки» или контроль за осуществлением этого дела. Тут сказалась привычная для западных журналистов манера выпячивать на первый план «контроль над вооружениями», еще до начала какому бы то ни было сокращения их. Н. С. Хрущев терпеливо разъяснил ей, что наши предложения предусматривают одновременный строжайший контроль за тем, как осуще-

ствляется дело, как будут разрушаться эти средства доставки, — но, разумеется, после того, как об этом будет заключен договор.

Интересовал западных журналистов и не менее затасканный вопрос о «праве вето» в органах контроля, а также в органах ООН, в распоряжении которых могут оказаться необходимые международные полицейские (милицийские) силы для обуздания агрессоров. Надо заметить, что полиция или милиция разных государств может использоваться только для целей предотвращения войны. Никита Сергеевич популярно разъяснил, что означает «право вето». В мире существуют социалистические и капиталистические государства, у них зачастую разное мнение. Так разве можно решать спорные вопросы механическим большинством голосов? Право вето — большое достоинство, закрепленное в Уставе ООН. Советский Союз не собирается предлагать пересмотр Устава. Социалистический лагерь и капиталистический мир — это как бы два «сосуда», разумеется, сообщающиеся, но разные. Сосуд капиталистический сейчас пока что больше. Но это — временное положение. Наш союз будет наполняться, а капиталистический — опустошаться. Значит, не далеко время, когда и капиталистические державы поймут, как ценно, как необходимо «право вето».

Между прочим, еще не закончившиеся переговоры в Женеве по более узкому вопросу — о прекращении испытаний атомного и водородного оружия — показали, что в предполагаемых «органах контроля» при решении многих вопросов не всегда понадобится принцип единогласия (таково точное название пресловутого «права вето»). Но это единогласие необходимо при решении любых важных вопросов в Совете Безопасности ООН, ибо в мире две системы, и разногласия между ними не могут решаться «большинством голосов».

Корреспонденты в своих вопросах коснулись не только нового советского предложения о разоружении. Любопытный вопрос задал корреспондент индийской газеты: не следует ли ныне считать войну неизбежной? Ведь теперь, после того, как стало ясным, что безоговорочный президент Эйзенхауэр так поддается влияниям и требованиям американской военщины, эта проблема волнует многих людей на земном шаре.

Н. С. Хрущев напомнил, что XX съезд партии дал исчерпывающий ответ по этому поводу. С тех пор в этих отношениях ничего не изменилось. Наоборот, жизнь лишь подтвердила вывод XX съезда о том, что в наше время новая мировая война отнюдь не является неизбежной, что воля и решимость народов отстоят всеобщий мир могут предотвратить войну.

Характеристики, данные товарищем Хрущевым некоторым политическим деятелям Запада, прежде всего вице-президенту Никсону, государственному секретарю Гертеру, его заместителю Диллону, поражают своей меткостью. Особенно ярко обрисовал в кратких словах Никиту Сергеевича западногерманского канцлера Аденауэра. Ведь только выжищий из ума человек мог «одобрить», как это сделал Аденауэр шлюсские полеты американских самолетов над территорией СССР. Этот умственный неполноценный «государственный деятель», по-видимому, на старости лет считает возможным «играть ва-банк» — его уже не трогает гибель его страны в атомной войне. На этого человека полезно было бы надеть смиренную рубашку...

Политика американских и западногерманских милитаристов не только опасна — она прежде всего глупа и бесперспективна. Она провалилась, ее отвергают народы, в том числе и народ США.

Оптимистической была вся эта пресс-конференция главы великой социалистической державы. Н. С. Хрущев называет себя оптимистом. И он приводит веские, несокрушимые доводы в подтверждение своей уверенности в том, что социалистический лагерь будет все время идти вперед, что люди сумеют отстоять мир и что даже американский народ в подавляющем своем большинстве горячо желает мира и дружбы с советским народом, не поддерживая тех политических деятелей, которые всеми силами препятствуют ликвидации опасной войны. Что касается Советского Союза, то он и сейчас горячо поддерживает развитие самых широких экономических и культурных отношений со всеми странами Запада, в том числе и с Соединенными Штатами.

Б. ЛЕОНТЬЕВ

ДИРЕКТОРА института застал за телефоном — шел разговор с Челябинском. Там, на трубном заводе, задумали резко повысить скорость сварки труб. Тут, в Киеве, ученые тревожились за же работа. Ускорение и удешевление сварки — всегда, неизменная тема лабораторий Института электросварки имени Е. О. Патона. И вот директор института предлагает директору завода разрешить задачу общими усилиями — ученых и инженеров.

Пять минут не понадобилось, чтобы договориться на этот счет.

Этот телефонный разговор послужил хорошим началом для моей беседы с директором института Борисом Евгеньевичем Патоном. Тема беседы была та же, что и в разговоре между Киевом и Челябинском: о внедрении технических новшеств в производство.

Известно, что внедрение это происходит не всегда так просто и легко, как в том случае, о котором я узнал из телефонного разговора. Часто происходит наоборот. И трудно измерить, насколько ускорился бы технический прогресс, если бы наука сразу же отдавала производству все, чем она богата.

Как же этого добиться? Какими путями ускорить распространение в промышленности достижений науки? Что думает об этом Б. Е. Патон — директор института, известного своими прочными связями с производством?

ОТ ЛАБОРАТОРИИ ДО ЦЕХА

АН УССР Б. Е. Патон о внедрении технических новшеств

Но этого еще мало. Надо — и это тоже должно составлять заботу наших плановых органов — материально обеспечить возможность внедрения, предусмотреть производство нужных для этого оборудования и материалов. А так бывает не всегда. Вить, к примеру, такое важное дело, как развитие гидравлического способа подземной добычи угля. Известно, что это в настоящее время самый производительный и прогрессивный способ добычи. Он позволяет в наибольшей степени механизировать и автоматизировать весь производственный процесс. Но получился вот что: проекты гидро-механизации и отдельных участков и целых шахт разработаны, а осуществить их невозможно. Невозможно потому, что нет для этого ни гидромоторов, ни углесосов: изготовленные их не вошло в производственные планы предприятий.

То же произошло и с распространением сварки в среде углекислого газа. Это — наиболее эффективный и дешевый способ сварки. Но для него нужно значительно увеличить производство углекислого газа, а это — как раз и не предусмотрено планом.

Вывод ясен: планируя внедрение любого технического новшества, надо предусмотреть и производство всех нужных для этого оборудования и материалов. План материального обеспечения должен опережать план самого внедрения.

КАК СТИМУЛИРОВАТЬ ВНЕДРЕНИЕ НОВОГО

Влияние правильно составленного плана на распространение технических новшеств не исчерпывается сказанным. — Промышленные предприятия, — продолжает Б. Е. Патон — часто неохотно идут на применение новых технических средств и технологических процессов. Хозяевам предприятий опасается, что перестройка производства помешает выполнению текущей программы, от чего зависит благополучие и предприятия, и его работников. Как же совместить требования производственной программы с техническим перевооружением?

Все зависит от того, как составить план. Он может и отгугнуть от внедрения новшества, и, наоборот, побудить к энергичной борьбе за новое, если план развития завода рассчитан на применение новой техники и невыполним без нее. Тогда производственным не только не уклоняться бы от технических новшеств, но сами ставили бы перед исследователями конкретные задачи.

Нельзя также забывать о принципе материальной заинтересованности, значение которого незначителен доказывать. Надо, чтобы предприятие — весь его коллектив и каждый работник, причастный к внедрению нового метода, были заинтересованы в техническом обновлении производства. Для этого план должен учитывать временное снижение производительности, связанное с внедрением новой технологии, и устранять возможное снижение заработка.

Потому также не следует торопиться с изменением норм и расценок при введении новых, более производительных средств. Часть сэкономленных сумм нужно оставлять в распоряжении предприятия для расширения и оборудования лабораторий и для премирования работников, участвовавших во внедрении. Такой же подход надо установить и в отношении научных организаций и их сотрудников, принимавших участие в этой работе.

— Тут, — говорит Б. Е. Патон, — следовало бы внести некоторые изменения, я бы сказал, законодательного порядка.

Почему, например, вознаграждение предприятий и работников, осваивающих новую технику, устанавливается только в машиностроении? Это несправедливо. Возможно, что в свое время это объяснялось тем, что машиностроение играло исключительную роль в нашем техническом прогрессе. Но сейчас у нас нет второстепенных отраслей, и гармоничное, широкое развитие всей промышленности является основой, духом и принципом нашего семилетнего плана.

ИНСТИТУТ И ЗАВОД

На современном этапе развития техники действительно важные и значительные усовершенствования могут быть разработаны только крупными и хорошо оснащенными научными коллективами. Распыление сил и средств ведет только к бесполезной трате времени и материальных ресурсов и к вредному параллелизму в научной работе. Тем же у нас немало мелких, маломощных исследовательских и проектных организаций, пытающихся решать важные и неспешные для них научные задачи. Ликвидация таких организаций и укрепление за этот счет новых крупных и хорошо оснащенных лабораторий и институтов являются неотложной задачей дня.

Важно найти и наиболее совершенные формы связи научных учреждений с производством.

— Я убежден, — говорит Б. Е. Патон, — что работа институтов по договорам с предприятиями — наилучший способ доведения научных работ до практического использования. Успешное распространение нового способа электродуговой сварки обеспечили прежде всего договоры нашего института с предприятиями. Тяжелое машиностроение, используя этот способ, получило условную экономию в 60 миллионов рублей за один только прошлый год.

ВСЕГДА ВИДЕТЬ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Всячески побуждая исследовательские организации к расширению тематики, связанной с непосредственным выполнением заказов промышленности, — замечает Б. Е. Патон, — нельзя подчинить этой цели всю деятельность научного учреждения. Нельзя допускать недооценки перспективной тематики. Наука не может развиваться, не заглядывая в завтрашний день, не работая на будущее. Научная работа по договорам должна проводиться наряду с исследованиями перспективного характера, но никак не в ущерб им.

Лучшей структурой современного института технических наук, — говорит Б. Е. Патон, — представляется мне такая, которая включала бы в себя, помимо собственно института, ведущего перспективные исследования, также опытно-конструкторское бюро и обязательно — хорошо оснащенный опытный завод.

Работа такого научно-исследовательского комбината складывалась бы примерно таким образом: институт, разрабатывающий перспективные научные проблемы, передает результаты своих исследований опытно-конструкторскому бюро. Это бюро решает задачи выданных перспективности, и разрабатывает чертежи и конструкции машин и приборов. Опытный завод эти чертежи изготавливает первыми образцами, различия в этих чертежах с оригинальными чертежами устройств, которые передаются предприятиям для проверки в производственных условиях.

Такая структура не является плодом умозрительных выводов. Она существует у нас, и за границей. Так перестраиваем мы и свой институт. И еще одно замечание, — продолжает Б. Е. Патон, — Мне предстает

ЭТО БЫЛЬ, хотя начинается с разговора о сказке.

Я слышал ее в Ульяновске, где с большого конвейера автомобильного завода сходят маленькие вездеходы «козлики», — те, что в народе любовно прозваны «козликами».

Слушая быль об автомобиле и его водителе, я вспомнил сказку-песенку про милого козлика и серых волков. На «козлики» вездеход тоже напали.

Не вдум своим смутил он зарубежных «серых волков». Они-то знали, что под зеленой краской машины — добротная сталь, а мотор мощностью в пятьдесят пять лошадиных сил развивает такую скорость, что самый матерый волк не убежит от этого «козлика». И все-таки захотели его съест.

На рынке появился конкурент — он тогда именовался «ГАЗ-69».

— Зачем нам русский «Кас»? — так в заальпинистской проносии представители капиталистических фирм слово «ГАЗ». — Слава богу, мы привычно торгуем respectable английскими «Лэндроверами» и «Остин-джипами». А чем плох западногерманский «ДКВ»? «Кас» — неуклюжий, «Кас» — тяжелый...

Все не нравилось душеприказчикам западноевропейских автомобильных фирм, даже широко доступная цена «ГАЗа» раздражала их. Верные принципы капиталистической купли-продажи, они утверждали: «Что недорого, то плохо. Значит — товар бросовый, значит — демпинг!»

Позвольте, спросит читатель, где это происходит?

Так вот, три года назад в стране трех тысяч островов, которую Н. С. Хрущев назвал недавно райским садом, появились первые ульяновские вездеходы. Народу Индонезии, другу нашего народа, любящий быстройходный, крепкий рабочий на четырех ведущих колесах. В райский сад, как известно, чертей и серых волков не пускают, но куда только не проникнет желтый дьявол, если почувствует угрозу своим барышам!

Фирмам, закупили машины за границей, было объявлено, что назначены официальные автомобильные испытания и на старт вместе с «Лэндроверами», «Остин-джипами» и «ДКВ» выйдет советский вездеход «ГАЗ-69». «Серые волки» предвзвущали поражение «козлика». Вот уж когда они полагались...

Ульяновский инженер Петр Иванович Жуков поехал в Индонезию как представитель автомобильного завода. Если у индонезийской фирмы «Риа», закупившей большую партию ульяновских вездеходов, возникнут какие-либо претензии или понадобятся технические консультации, Жуков должен их удовлетворить. Между «Риа» и представителем советского завода установилось деловое взаимоотношение. Жалоб не поступало. Обиды, даже протесты высказали другие фирмы — «Ява-мотор» и «Нашин-мотор», закупили машины в Англии и ФРГ.

Торговые фирмы боролись за право получить солидный государственный заказ на покупку машин. Их станции обслуживания были материально заинтересованы в победе тех автомобилей, которые обеспечивают «сервис». Среди технического персонала, подобранных комиссией по проведению испытаний, оказались активные сторонники и ярые поклонники

Советский характер

БЫЛЬ О ЗЕЛЕНОМ «КОЗЛИКЕ»

Семен ГЛУХОВСКИЙ

ки той или другой марки. Страсти разгорались. Даже слабосильный, но быстройходный западногерманский «ДКВ», явно уступавший «Лэндроверам» и «Остин-джипам», числился в фаворитах. «Козлик» был пока загадкой. Его открыто халли представители фирм, конкурирующих с «Риа». Некоторые члены комиссии, оценивая шансы «ГАЗ-69», выражались с той сдержанностью, которая плохо маскирует скептицизм.

В советском торгпредстве Жукова познакомил с программой испытаний.

— Вы понимаете, дорогой, что речь идет о репутации нашего завода? Жуков молчал. Он никак не предполагал, что в Индонезии его ожидают подобного рода испытания. Да это и его будут испытывать! Он был здесь живой, зрягой для окружающих частицей того коллектива, который производит автомашины «ГАЗ-69». Вызов брошен не только ульяновскому «газнику». Торгпред поинтересовался мнением Жукова о профессиональном мастерстве индонезийцев Лима и Уи, которые согласились быть водителями «ГАЗ-69» на испытаниях.

— Хорошие ребята, но... — тут Жуков уже не смог скрыть охватившего его возбуждения: — Мне нравится программа испытаний! Мы производим вездеходы для трудных дорог. Мы продаем машины не для парадных выездов. И если они хотя бы по большому счету честно соревнуются с нами, — я готов!

К чему готовый? — удивился торгпред. — Ведь вы не шофер? У вас, правда, позволено дипломатическим водителям, есть права на вождение машины. Но, учитывая, тут нужен особый водитель. Надо знать специфические условия местных дорог. Надо акклиматизироваться...

— Понимаю. Выслушайте меня... К АВТОМОБИЛИ! Мы еще вернемся. «Выслушайте» пока Жукова, ибо судьба этого человека переплеталась с судьбой ульяновского «козлика» на дорогах испытаний в далекой Индонезии.

Пете Жукову минуло восемнадцать лет, когда он в 1943 году ушел на войну. Военкомат удовлетворил его просьбу, потому что фронту в ту пору нужны были водители, а Петя, только что закончивший десятый класс, имел права шофера и даже отличился на гонках автомобилей. Солдатские награды — медали за самоотверженную службу водителя на фронтовых дорогах Польши, Германии и Чехословакии — пополнились затем грамотами и призами за мастерское вождение машин. И в годы мира, продолжая службу в армии, (Окончание на 2-й стр.)

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ

- ☆ Новые предложения Советского правительства.
- ☆ 13 июля открывается Пленум ЦК КПСС.
- ☆ «ГАЗ-69» выигрывает соревнования.
- ☆ Фельетон Л. Лиходеева.
- ☆ Продолжается молдавская декада.
- ☆ Воспоминания И. Эренбурга.
- ☆ Отрывок из романа М. Алексеева.
- ☆ А. Сталь. «Сознание народов обогатилось»...
- ☆ В. Каверин отвечает своему оппоненту.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Итак, москвичи уже увидели Молдавский театр оперы и балета, интересные спектакли Русского драматического и Музыкально-драматического театров, первые работы выпускников Молдавской студии театрального училища имени Шукки «Свадебный костюм» и «Польские цветы». Они слушали замечательные «донные» и любовались огненным плясками молдаван. Побывали москвичи и на выставках, познакомились с киноискусством студии «Молдова-фильм».

Декада молдавского искусства и литературы заканчивается. В заключение 6 и 7 июня в Государственном Академическом Большом театре СССР будут даны два итоговых концерта. В концертах впервые будет участвовать молодая талантливая группа Кишиневского Дома пионеров.

Литературная часть декады закончилась 5 июня прощальным вечером в Центральном Доме литераторов под председательством Н. Тихонова. Вступительное слово будет произнесено секретарем ЦК Коммунистической партии Молдавии Е. Постовому.

Многие годы жизни — жизнь

«Вам же хочется написать о некоторых событиях, которых вы встретили в жизни, о некоторых участниках событий, о некоторых людях, которых вы встретили в жизни? Или вы хотите написать о некоторых событиях, которых вы встретили в жизни? Или вы хотите написать о некоторых людях, которых вы встретили в жизни?»

«Вам же хочется написать о некоторых событиях, которых вы встретили в жизни, о некоторых участниках событий, о некоторых людях, которых вы встретили в жизни? Или вы хотите написать о некоторых событиях, которых вы встретили в жизни? Или вы хотите написать о некоторых людях, которых вы встретили в жизни?»

Если я скажу, что в 1911 году я познакомился с поэтом, мягкое, задумчивое лицо которого, волнистые, нежные волосы, рассеянные движения выдавали мечтательность натуры, что в нем минуты шумного веселья перебивались глубокой грустью, что в литературных кругах тогда говорили о его книжке, изданной «декадентским» издательством «Гриф», что Брюсов, восторженно расхваливая «почти дебианта», высказывал опасения, «сумеет ли он удержаться на раз достигнутой высоте и найти с нее путь вперед», вряд ли кто-нибудь догадался, о ком я говорю. И если я приведу некоторые строки, хорошо мне знакомы, как например: «Ты зачем замудела, трава? Наугадала ли тебя тетя? Перепелочья ли кровь горяча, что твоя закаталась ларча?» — то разве что немногие любители поэзии или доктринисты литературоведы поймут, что речь идет об А. Н. Толстом. А я хорошо помню такого Толстого.

В своей поздней автобиографии Алексей Николаевич писал о книге стихов «За синими реками»: «От нее не было отказывалось и по сей день». Не только стихи 1911 года написаны рукой автора «Петра Первого», но и молодой поэт был уже тем самым Алексеем Николаевичем, которого многие помнят сильно поповолосившим, помысившим и, главное, научившимся один свои черты скрывать, а другие нарочито подчеркивать. Стоит посмотреть опубликованные воспоминания людей, встречавшихся с Толстым в тридцатые годы, чтобы понять, о чем я говорю; эти воспоминания разнообразны по яркости происшествий, рассказов или шутки Толстого, но неизменно Алексей Николаевич, который со вкусом ест, вкусно рассказывает, вкусно смеется, а между двумя раскатами смеха говорит нечто весьма значительное, заслоняет художника.

Юрий Олеша рассказывает о своей первой встрече с Толстым осенью 1918 года: «Развлекать себя и друзей, он кого-то играет. Кого? Не Пьера ли Безухова? Может быть? А не покажется ли он нам, как должен выглядеть один из тех чудачьих помещиков, о которых он пишет?» Нет, Алексей Николаевич очень часто играл (нужно признать — замечательно) самого Алексея Николаевича — образ, созданный художником.

Когда я с ним познакомился, это «почти дебиант» был уже известен; его рассказы о «чуждаках» Заволжье сразу привлекли к нему внимание. В нем были все черты зрелого Толстого, но они еще не были оформившимися; лицо, которое впоследствии казалось созданным для рисовальщика, в молодости требовало паянства живописца. Это не обязательный закон природы: некоторые люди к вечеру жизни смягчаются, с годами сглаживаются первоначальная резкость, приподнятость, угловатость. Алексей Николаевич, напротив, был значительно мягче, если угодно, туманнее, в молодости и, что наиболее существенно, не умел (или не хотел) огораживать свой внутренний мир от людей, с которыми сталкивался.

Не помню, кто меня привел к Толстому, кажется Волощина, а может быть, художник Досенин. Алексей Николаевич был в Париже в 1911 году, потом весной 1913-го; в один из этих приездов он и его жена, художница Софья Исаковна, жили в пансионе на улице д'Ассас. Рядом с пансионом находилась кафе «Клюзер де ляя», где я сидел весь день и писал. Я познакомился с Толстым с различными достопримечательностями заведения: с «принцем поэтов», с итальянскими футуристами, с норвежским художником Дрикомсом. Во время войны, в Москве Алексей Николаевич написал очерк о Париже и там вспомнил «Клюзер де ляя»: «На левом же берегу со всей французской страстью, мужеством и великодушием отстаивали свободу творчества, независимость и в старом кабачке, под каштанами... вы всегда встретите в вечерний час у окна высокого, седого человека, похожего на викинга, и седую даму, когда-то прекрасную. Это — норвежский художник и его жена. Они прожили двадцать лет в Париже, каждый день бывая под каштанами».

Он любил Париж и как-то сразу его увидел: «Париж, всегда завешенный прозрачной, голубоватой дымкой, весь серый, однообразный, с домами, похожими один на другой, с мансардами, куполами церквей и триумфальными арками, перерезанный и охваченный, точно венком, зелеными бульварами...» «Весь день неустанно живет, грохочет, колыхается, по ночам заливаются светом огромный город, но не угломяне вы чувствуете, пробуждая по нему весь день, а спокойную, тихую грусть. Вы чувствуете, что

здесь помыли смерть и любят печальную красоту жизни...» «Стар, ужасно стар Париж. Особенно дико его в сырые деньки. Вечерней очертания полуручных графитовых крыш, отсюда в туманное небо смотрят мансардные окна. А внизу — трубы, трубы, трубы, дымки. Туман прозрачен, как город раскинут чащей, будто выстроен из голубых теней».

За несколько месяцев до своей смерти Алексей Николаевич говорил мне, что когда кончится война, он поедет на год в Париж, поселится где-нибудь на набережной Сены и будет писать роман; помню его слова: «Париж располагает к искусству... Чужак, который по словам Ю. К. Олеша, играл нелепого героя «Заволжье», никогда не чувствовал себя в Париже туристом; не осматривал, не восхищался, не отплевывался, а сразу начал жить в этом городе, бывал в нем порой очень печален, но и в печали этой счастлив. (Я не говорю о годах вынужденного пребывания в Париже, когда он неотвязно думал об оставленной им России. Я уже писал, что у эмиграции свой климат. В письме к матери, когда Толстому было четырнадцать лет, он привел старую народную песню: «Ох, хохохоношки, скучно жить Афонюшке на родной стороншке без родимой матушки». В Париже, оказавшись эмигрантом, он написал рассказ «Настроения Н. Н. Бурава» и эпиграфом поставил: «Ох, хохохоношки, скучно жить Афонюшке на чужой стороншке». Лучшее настроение человека, насильно оторванного от родной земли, пожалуй, не выразишь».

Я хорошо знал того Толстого, которого написал П. П. Кончаловский — лицо сливается с натюрмортом, человек с бытом. Но мне хочется рассказать о Толстом, преданном искусству. Его слова «Париж располагает к искусству» не были случайными. Как настоящий художник, он всегда был неуверен в себе, неудовольствован, мучительно искал форму для выражения того, что хотел сказать. Он говорил об этом часто и в зрелом возрасте, но в беседах с молодыми писателями старался пристраститься к работе; но не находил нужным делиться со многими своей бедой, недовольством, мучительными часами, когда с удивлением и тревогой прочитывал написанное им накануне. Сколько раз он говорил мне: «Илья, понимаешь пишешь и кажется хорошо, а потом вижу пакость, понимаешь... пакость!» В начале 1941 года вышла в новом издании его повесть «Эмигранты» (в первой редакции — «Черное золото»); вещь эта мне казалась неудавшейся, но я о ней никогда с Толстым не говорил; он написал на книжке: «Илья Эренбургу — глубоко несовершенную и приблизительную повесть. Но, друг ты мой, важны конечные результаты жизни художника. Ты это понимаешь». Слово «приблизительное» он употребил часто, как осуждение; говорил о холсте, который ему чужо не понравился, о строке стихотворения: «Это приблизительно».

Он хотел было учиться живописи, но быстро это дело оставил. Когда мы познакомились, о картинах он говорил с увлечением; может быть, в этом сказывалось влияние Софьи Исаковны, которая была художницей, но Толстой обладал даром видеть природу, лица, вещи. Он воздвиг с мастерами-краснодеревцами, литейщиками, переплетчиками, но только знавшими свое ремесло, но влюбленным в него, обладавшим фантазией. В своей автобиографии он рассказал, какое впечатление произвели на него в молодости стихи Анри де Ренья в переводе Волощина: «Меня поразила чужина образов». Анри де Ренья не бог весь как поэт, но писать он умел и поразила он Толстого именно мастерством.

Алексей Николаевич писал также, что в поисках народного характера речи он учился у А. М. Ремизова, Вячеслава Иванова, Волощина. Еще до этого — в ранней молодости он попал в знаменитую «башню» Вячеслава Иванова. Волощина рассказал мне смешную историю, относящуюся к тому времени, когда Толстой пытался усвоить идеи и словарь символизма. В Берлине он встретил Андрея Белого, который что-то ему говорил об антропософии. Белого вообще было трудно понять, а тем более, когда он объяснял свою путаную веру. Вскоре после этого на «башню» зашел разговор о Блаватской, о Штейнере. Толстой захотелось показать, что он тоже не профан, и вдруг он выпалил: «Мне в Берлине говорили — теперь египтяне перелопачиваются...» Все засмеялись, а Толстой пошел от ужаса. Много лет спустя я спросил Алексея Николаевича, не выдумал ли Макс историю с египтянами. Толстой рассмеялся: «Я, понимаешь, сел в лужу».

Разговоры и перелопачивания, мистический анархизм, богословствование, обреченность этого никак не соответствовало натуре Толстого. Основы несколько мастерство, натолкнувшись на свои темы, он расстался с символистскими (с Волощиным он продолжал дружить), выискивал «декадентство» в рассказах, потом в трилогии. Но вот я возвращался с ним из Харькова в Москву в декабре 1943 года. Поезда тогда шли очень медленно. Мы с А. Н. Толстым заняли одно купе; в другом купе сидел К. Симонов, иностранные журналисты. Толстой почти всю дорогу вспоминал прошлое; кажется, он хотел в эти два дня преодолеть то, что вытекало сделать теперь; задуматься над своим прошлым. Неожиданно для меня он начал говорить, что многому он научился, вспоминал «башню», что потому что он не понимал, что теперь у молодых поэтов нет ни почтения к прошлому, ни понимания всей трудности искусства; сказал, чтобы в купе поехали К. Симонов, долго ему внушал — нужно входить в дом искусства благоволей, но как он когда-то подымался на «башню».

Потом он заговорил о Блоке. В романе «Сестры» есть пол-декадент Вессонов; в нем много увидел карикатурное изображение Блока. Толстой как-то разъяснял, что хотел высмеять «соборы Блока». Но, слов нет, сам того не создавал он придумал Вессонову некоторые черты Блока; в этом он мне признался; и я поверил, что сделал от этого без злое умысла. Психология творчества, печальные истории, выпавшие на долю разных писателей (достаточно вспомнить сорву Левтана с Чеховым после «Попытки»), показывают, что отдельные черты, поступки, словечки живого человека могут незаметно войти в тот слеп, который мы называем «персонажем романа»; и художник часто не дает себе отчет, где кончается воспоминание, где начинается творчество. Мысль о том, что в Вессонове увидели некоторые черты Блока, была тяжела для Алексея Николаевича. Он мне рассказывал о встрече с Волоком во время войны, о том, что Блок был очень человеком; потом замолк, а к вечеру стал повторять отдельные строки блоковских стихов.

Стихи он часто вспоминал и всегда неожиданно. Помню декабрьскую ночь в Москве в 1917 году. Мы шли гулять по середине улицы — от присяжного поверенного и друга писателя Кара-Мура, который жил у Чистых Прудов, к Никитским воротам; говорили о бандитизме, о подожженных усадьбах, о житейских трудностях. Алексей Николаевич рассказал какой-то вздорный анекдот; потом вдруг остановился и сказал: «Ты послушай! Мне нужно много тосковать, чтоб быть спокойной и счастливой... Это были строки из стихотворения Н. В. Крандлевской».

Летом 1940 года я вернулся из Парижа в Москву. Толстой позвонил: «Илья, приятная ли мне дачу?» — дачу у него была в Варшаве, (Перед этим мы долгие годы были в сорее, даже не разговаривали друг с другом. Раз в Ленинграде в табачном магазине он меня увидел и прилавок и шелуш мой жен. «Скажите ему, что этот табак пакость. Вот какой нужно покупать». Как я ни пытался, не могу вспомнить, почему мы поспорили. Я спросил жену Алексея Николаевича, может быть, он ей говорил о причине нашей разлуки. Людмила Ильинична ответила, что Толстой вряд ли сам помнил,

что приключилось. Пожалуй, это лучше всего говорит о характере наших отношений). На даче Толстой поил меня буржундским: «А ты знаешь, что ты пьешь? Это ро-ма-ней!» Он распрощался с Францией, рассказ, конечно, был невелик. Потом я прочитал стихи, написанные в Париже после прихода немцев. Одна строка оставила его внимание, он несколько раз повторил: «...Темное, как человек, искусство».

Он был удивительным рассказчиком; тысячи людей помнят и теперь различные истории, которые он прочел через всю жизнь; о том, как в его детстве кухарка подала суп в ночном горшке, или о дьяконе, который загонал себе в рот миллиардные шары. Слыша его, можно было догадываться, что он пишет легко, а писал он мучительно, иногда работал дни напролет, исправлял, писал заново, бывало — бросал начатое: «Понимаешь, — не получается. Пакость!».

В молодости он увлекался интригой, действием, разворающимися неожиданным для читателя. Он иногда записывал, иногда просто записывал историю, которую ему кто-либо рассказывал; такие истории становились частью рассказа. Вот происхождение рассказа «Миссионеры» (в первоначальной редакции «И на стороне бывает проуха»). В Париже было немало случайных эмигрантов; таким был один салонник, в Пятую год принявший участие в солдатском бунте. Знал его Осипов. Он женился на французке, кое-как жил, но был он тем Афонюшкой, которого скучно на чужой стороншке; человек записал. Как то ему стало не по себе; почему его сын католки? Он пошел в русскую церковь на улице Дарю, клался, молил священника окрестить ребенка по православному. Священник удивился, не только выполнил обряд, но дал Осипову двадцать франков. Осипов в бога не верил, ни в католического, ни в православного, а двадцать франков пропил. Месяц спустя, когда его взяла тоска, а денег на водку не было, он решил пойти к католическому священнику, рассказал, что православные его обманули, но он может «перенять сына назад в католики». Я рассказал Алексею Николаевичу о салоннике, он долго смеялся; что-то записал в книжку. Слово «перенять», которое ему сразу понравилось, в рассказе осталось; но Толстой «перенял» — герой рассказа уж не просто запойный горемыка, а ловчак, он «черегожит» детей оптом и шантажирует автора повествования.

Алексей Николаевич неоднократно мне говорил, что порой его рассказы рождаются «через» знает от чего; от истории, рассказанной кем-то десять лет назад, от смешного словечка. Я вспомнил наши ночные прогулки в первую зиму после революции. Толстой уверял, что я должен довести его до дому — на Молчановке, так как моего вида страшатся бандиты. (Не помню, как я был тогда одет, помню только, что Алексей Николаевич смешила высокая шапка, пожимая на кlobук. Несколько лет назад мне привнес копию фотографии: Алексей Николаевич и я, подписано утом Толстого «Тверской бульвар, июнь 1918». Алексей Николаевич в каноте, а на мне высочайшая шляпа мексиканского кобоя). Толстой прозвал меня «тухлым дьяволом». Вскоре он написал рассказ «Тухлый дьявол» о писателе-мистике и козле. Писатель на меня не похож, да и шляпа у него низенькая, круглая, а тухлый дьявол не писатель, но козел; все же рассказ родился в ту минуту, когда Толстой, посмотрев на меня, сказал: «Ты знаешь, Илья, кто ты? Тухлый дьявол. От тебя любой бандит убежит».

Он работал не как архитектор, а скорее, как скульптор; очень рано спрашивался с планами романов или рассказов; часто начиная, не видел дальнейшего; много раз говорил мне, что еще не знает судьбы героя, не знает даже, что принадлежит на следующей странице — герои поочередно оживали, складывались, диктовали автору сюжетные линии. (Это относится к зрелому периоду Толстого).

Есть писатели-мыслители; Алексей Николаевич был писателем-художником. Очень часто человеку мучительно хочется сделать именно то, что ему несвойственно. Я помню, как Алексей Николаевич в молодости долго сидел над книгой — хотел, дая ее, надписать афоризм; ничего у него не вышло.

Человеку, посадившему сад и в сознании с природой, присущему радость людям, посвящает М. Алексеев свою книгу «Вещный омут». В творчестве автора романа «Солдаты», повести «Наследники» и «Вещный омут» — первое «невозможное» произведение. Мы печатаем главу из романа М. Алексеева, который будет опубликован в журнале «Нева».

Ранним ноябрьским утром Петр Харламов вышел с оптом на Игрницу — нужно было подготовить сад к долгой и лютый в здешних краях зиме: обрезать сухие сучья, покрасить в белое столбы яблонь, прорубить, прочистить терновник и малинник, заукатать мутными солами и мешковины молодые деревья, окопать их, а также закрепить дубовыми веревками шалаши, чтоб его не унесло поводом во время весеннего разлива Игрницы.

Петр возобновлял. Далеким, грустно-необратимым повеяло на него от знакомого до последнего кустика, милого и родного до слез сада. Со стороны изменившимся лицом и светящимися глазами он подошел к М. Медовке, то к Кубышке, то к Анисовке, то к Антоновке и единственной рукой обнимал каждую яблоньку.

— А ты, Медовка, постарела. Согнулась, — шептал он тихо и печально. — И тебя не пощадили, покорила! — вон сколько сучков-то поломало. Ребяташки, небось, поразил их громом! Как же это не угадал отец? А? Да и сама ты виновата — зачем поддалась подкаму, по шеем бы, по шеем их! Ну, не тужи, не горюй. Заживет, у тебя заживет. Вот сейчас дедушка Михаил полегит, — и подошел к Кубышке: — А ты, брат, молодец! Ни единой паранинни, румяная, как наша Фрося-Вешенка! — подошел так и говорил всякой свое, показывая обрубок руки и то жаловался на свою судьбу, то насмешливо-иронически прибавлял: — А от девки все одно отбою нету — жалко, что женатыя, а то б... А руки, зачем они? С ними одну хлопоты — то за куском, то по пьяну делю, в драку тынутся. А без одной руки и вовсе обойтись можно. По первоначалу, правда, мотню не умел расстегнуть при надобности — товарищи помогали, а теперь ничего, припробовался... Яблони слушали, стыдливо перешептываясь нагими ветвями. Сейчас они были некрасыны и, выдав, сами понимали это, потому что не беляли беззаботно, не заигрывали, как прежде, веселой и легкой порой, с буйным и начальным гуляком-ветром, только тихо роптали, когда он лез навалерийским наскоком врывается в сад, разбойничал минутой-другой, больно трепал грядки их, упругие тела.

— А вы не того... не вешайте нос-то, ваши листья весной опять распухнут, — сказал Петр и задумался о чем-то, прижав пальцами заматеревшие, опаленные горячими и несласкою фронтовыми ветрами уши, почесал висок, густо прошитый кудельной ниткой седины. Потом подошел к отцу, приспособившему поую веревку у двери шалаши. Спросил все с той же грусткой, массивной улыбкой насмешливости: — Ну, а где ж наш Царь? — Ну, а где ж наш Царь? Прямо на троне и помер — на кровати. Выткнулся во всю длину, приподнял раза два золоченую свою, коронованную голову и помер. А теперь, Принц, звук пражского Царя, праявит тут лесным да садовым царством-государством. Недавно я еще видел его, а теперь, наверно, упала в нору — холодно

Он необычайно точно передавал то, что хотел, в образах, в повествовании, в картинах; а думать ответственно не мог; попытку вставить в рассказ или повесть нечто общее, декларативное, заканчивались неудачей. Его нельзя было отделить от стихии искусства, как нельзя заставить рыбу жить вне воды. Его самые совершенные книги — «Заволжье», «Детство Никиты» и, конечно же, «Петр Первый» — внутренне свободны, писатель в них не подчинен интриге, он повествует, особенно он силен там, где его рассказ связан с корнями, будь то собственное детство или история России, в которой он себя чувствовал легко, уверенно, как в комнатах обжитого им дома.

В своих идеях он был представителем добротной русской интеллигенции. (Это не определение рода занятий, а историческое явление; недаром в западные языки вошло русское слово «интеллигенция» в отличие от имевшегося понятия «рабочников умственного труда»).

Раскажу о первом столкновении Толстого с расизмом — задолго до второй мировой войны. Напротив «Клюзер де ляя» помещалась огромная тангуля «Бал Вилье» (теперь это здание снесли). Толстые иногда туда ходили. Раз Софью Исаковну пригласил танцевать негр; она его представила мужу. Негр Алексеем Николаевичем понравился и был приглашен на обед в пансион. Среди пансионеров имелся американец; увидев, что Толстые привели в столовую черного, он возмутился. Алексей Николаевич наивно стал объяснять американцу, что этот негр весьма образованный человек, даже привел его в князя. Американец ничего не хотел слышать: «У нас такие князья чистят ботинки». Тогда Толстой рассердился и выбросил американца по лестнице со второго этажа вниз — при плаче хозяйки, но при одобрительных возгласах других пансионеров-французов.

В 1917—1918 годах он был растерян, огорчен, иногда подавлен; не мог понять, что происходит; сидел в писательской кафе «Бом»; ходил на дежурство домового комитета; все ругал и все жалел, а главное недоумевал. Иногда к нему приходил И. А. Бунин, умный, злой, и рассказывал устно, зло, но несправедливо; рассказывал, помню, как к нему пришел мужик — предупредить, что крестьяне решили сжечь его дом, а добро унести. Иван Алексеевич сказал ему: «Нехорошо», тот ответил: «Да что тут хорошего... Побегу, а то без меня все заберут. Чай я не обесок какой-нибудь!» Толстой невольно смеялся.

Часто бывала у него петербургская поэтесса Лиза Кузьмина-Караваева, она говорила о справедливости, о человеколюбии, о боге. Дальнейшая ее судьба необычна. Уехала в Париж, она родила дочку, а потом пострелась; в монастырь приняла имя Мария. Дочка подросла и стала коммунисткой. Когда Толстой приехал в Париж, девушка попросила его помочь ей уехать в Советский Союз. Во время войны монахиня Мария стала одной из героинь Сопротивления. Немцы ее отравили в Равенсбрук. Когда очередную партию заключенных вели в газовую камеру, мать Мария стала в колонну на место молодой советской девушки. В зиму, о которой я рассказываю, Лиза своим постоянным беспокойством заражала Толстого.

Он видел грустность обывателя, мелочность обид, смеялся над другими, а сам не знал, что ему делать. Как-то он показал мне медную дощечку на двери «Гр. А. Н. Толстой» и загрохотал: «Для одних граф, для других гражданин», — смеялся он над собой.

«Мамдм Кошке сказала, подавая блюдо индийскому принцу, «вот дичь», — это он рассказывал, смеясь, за обедом. Потом, поговорив с молодым левым эсером, расстроился. Так рождался рассказ «Милосердие»; Толстой впоследствии писал, что это была первая попытка высмеять либеральных интеллигентов; он не добавил, что умел смеяться и над своим собственным смуглением.

Весной 1921 года я приехал в Париж. Толстой позвал на меня гостей: Бунина, Таффи, Зайцева. Толстой и Наталья Васильевна мне обрадовались. Бунин был непримирим, прервал мои рассказы о Москве заявлением, что он может теперь разговаривать только с людьми своего

стало. Уж любят теплоту. До весны не увидим... А ты постарел, Морщин-то сколько... — Что, красненья? — Надо б краше, да некуда. — Угу. То верно, отец. Родной сынишка боится. Хочу взять его, а он зарысается весь, засучит жонжонки, зайдет в плаще, аж поспинеет, того и гляди животик надорвет... — всегда доброе лицо Петра искривилось страданием, в серых, ласковых, мягких глазах сверкнули лезвия острой боли.

— Ну, как же вы тут жили, рассказы, отец? — вдруг спросил Петр, очевидно, для того только, чтоб отвлечь себя от печальных, нерадостных дум.

— Илли-то? — заговорил Михаил Аверьянович, как бы очнувшись. Да как тебе сказать? И из нашей трубы дым шел, но со свиной варили щи, а дым-то, он одинаков, одного цвета... — Трудно, стало быть, жили. — Трудно, Петро, ой, как трудно! — подтвердил отец, и это было единственное признание. И как бы устыдившись минутной слабости, заговорил весело, с нарочитой беззаботностью: — И все-таки жить можно было. Я в саду с бабушкой твоей копаюсь. Мать твоя с Дарьшковой в поле, на колхозном гумне, на огородах. Ванюшка прямо на поле, у Березового пруда, и родился. Не успели отвести в роддом Дарь-то. Мать твоя приняла ребенка. Ей это в привычку. Все вас, почет, вот в этом саду, как птенцов, вывела... Ну, пожалуй, пора и за дело. Заболталась с тобой. Ты почистишь бы тер-то. Разросся, окаянный, никакого с ним сладу. Бабы половину ягод оставили, пообдарились в кровь. У Дарьшкови и до сей поры заборы в плите торчат — никак — он отсюда не вытиснит... Молодец она у тебя — огонь в работе. С ней легко. Зайку вот надо смастерить — для Ванюшки. А то от грудей не оторвешь, шельмаша...

Петр взял небольшой, остро отточенный топор и пошел к терновнику. Сказавшись, обнажившиеся ветви увидели «орочиню гнездо» — на том самом месте, где оно было много-много лет назад. Что-то сладко ворочнулось в груди, дрогнуло внутри, потепело в глазах. Сколько же сорочьих поколений вывелось в этом старом гнезде, сколько шумных, крикливых свалел сыграно в колочьем терновнике, ревностно охранявшем немудрый сорочий уклад от вмешательства огромного числа недрозов?

Врагующая, животворящая сила сада укутала, запеленала во что-то мягкое и теплое потревоженное сердце солдата.

За плетнем, где-то совсем близко, раскатисто грохнул выстрел, одновременно с выстрелом зонка чужелюдо у ствола яблони, и красноватая зенка взвилась с тягучим комарным жужжанием, покружилась в воздухе и упала к ногам Михаила Аверьяновича. В соседнем саду раздался короткий девичий вскрик. С минуту стояла тишина.

Рядом затрещал плетень. Кто-то спрыгнул на землю, а через минуту высоко над трновником полпыла горло и бесцельно подлетая чернудрая, красная голова Митки Кручинина.

Здорово! — приветствовал он Харламовых, озорно сверкнув карими, чуть на выкате, малость нагловатыми цыганскими глазами. — Привез с войны вот эту штуку, — продолжал

звания, и ушел. Таффи пыталась шутить. Зайцев молчал. Алексей Николаевич был растерян: «Понимаешь, ничего нельзя понять». Вскоре после этого французская полиция выслала меня из Парижа.

Потом я встретил Алексея Николаевича в Берлине. Он уже знал, что скоро вернется в Россию. В атаках о нем пишут про сменовеховцев, про «постепенный подход» к идеям революции. Мне кажется, что дело было и проще, и сложнее. Две страсти жили в этом человеке: любовь к своему народу и любовь к искусству. Он скорее почувствовал, чем логически понял, что писать вне России не сможет. А любовь к народу была такова, что он рассорился не только со своими друзьями, но и со многими в самом себе — поверил в народ и поверил, что все должно идти как, как пошло.

Двадцать лет спустя я часто встречался с ним в очень трудное время, когда мало было одного сознания, требовались любовь и вера. Говорили, будто от уныния его всегда огораждал природный оптимизм; нет, и в 1913 году, и в 1918 я видел Алексея Николаевича не только унылым, но порой отчаявшимся (это, конечно, не мешало ему шутить, смеяться, придумывать комические истории). А вот в грозное лето 1942 года он сохранил душевную бодрость; он твердо стоял на своей земле, был освобожден от того, что особенно претило его натуре — от сомнений, от необходимости искать выход, от ощущения одиночества.

В декабре 1943 года мы были с ним в Харькове на процессе военных преступников. Я не пошел на площадь, где должны были повесить осужденных. Толстой сказал, что должен присутствовать, не смеет от этого уклониться. Пришел он с казни мрачнее мрачного; долго молчал, а потом стал говорить. Что он говорил? Да то, что может сказать писатель: то самое, что до него говорили и Тургенев, и Гого, и русский поэт К. Случевский...

В последние годы его тянуло к друзьям прошлого. Часто встречался с Алексеем Алексеевичем Игнатьевым и его женой Натальей Владимировной. Об Игнатьеве я рассказываю, когда дойдет дело до первой мировой войны. Толстой его любил: в чем-то у них были сходные пути — оба пришли к революции из другой, прежней России. Бывали у Толстого В. Г. Лидин, П. П. Кончаловский, доктор В. С. Галкин, С. М. Михалес. Толстой ожесточенно работал над третьей частью «Петра Первого». Осенью 1944 года он был уже болен; я пришел к нему, он хмурился, старался шутить, и вдруг как-бы ожил — заговорил о своей работе: «Пятую главу кончил... Петру у меня опять живой...» Он боролся со смертью мужеством, и помогала ему не столько его живучесть, сколько стоасть художника.

На Спиридоновке был прием в День Красной Армии. Все были в хорошем настроении; приближалась развязка. Вдруг по залам пронеслось «умер Толстой»... Мы знали, что он очень тяжело болен, и все же это показалось нелепо — несправедливым, бессмысленным, ужасным.

Он мне как-то сказал: «Илья, ты должен быть мне признателен по гроб — я тебя научил курить трубку»... Я думаю о нем действительно с глубокой признательностью. Ничему он меня не научил — во только то курить трубку... Был он на девять лет старше меня, но я никогда не воспринимал его, как старшего. Он меня не учил, но радовал — своим искусством, своей душевной тожностью, скрываемой часто веселой маской, своим аппетитом к жизни, верностью друзьям, народу, искусству. Он сформировался до революции и нашел в себе силы пережиться в другой век, был с Россией в 1941 году. Глядя на его большую тяжелую голову, я всегда чувствовал: этот все помнит, но память его не протдавила. Я ему признателен за то, что мы встретились в глухое, спокойное время в 1911 году и что я был у него на даче, когда он 10 января 1945 года справлял свой день рождения — за шесть недель до смерти; признателен за то, что в течение тридцати пяти лет я знал, что он живет, чертыхается, хохочет и пишет — с утра до ночи пишет, и так пишет, что читаешь и дыхание захватывает от совершенства фразы.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Вернись...

он, вертя в руке трофейный парабеллум. — и забавлялся. Завтра поеду в Баланду, дам в военкомат. Наполеод захотелось еще разок бабахнуть. Что, испугались? — За его спиной, за плетнем, мелькнул белым крылом платок, на мгновение показалось и скрылось румяное девичье лицо, будто там, дразня, кто-то поднял и тут же опустил бучет алых роз.

— Видим, что забавляешься... — сердито молвил Петр, кивнув в сторону плетня.

— За такие забавы по шапке бы тебе, — отозвался хрипло Михаил Аверьянович, имея в виду уже другое. — Натаскали полно село этой дряни, — старик глянул на парабеллум.

— Зря ворчишь, Михаил Аверьянович. Кабы не мы, не был бы ни тебе, ни твоему саду. Слышь? — лицо Митки сделалось серьезным.

Старик промолчал. Он стоял возле Кубышки. В одном метре от земли, в том месте, откуда яблоня начинала разрастаться во все стороны, мощные свои побеги зияла глубокая рана. Из нее струилась и нешироко бежала по поре хрустальной прозрачности красноватый сок.

Михаил Аверьянович часто заматал ресницами, смаргивая непрошено выкатывающуюся слезу. На лице его вылился невысказанный боль. Такое вот бывает с человеком, когда он видит поколеченным малое дитя: малышу очень больно, но он не понимает, за что же, зачем ему сделали больно, — плачет, и все...

— Вот сунки сын, — шептал Михаил Аверьянович силным, не уменьшившимся в сухой горняи голосом. — Что он с тобой сделал?.. Ну, ну, мы сейчас, сейчас полегит тебя, Кубышка! Не плачь, — он сжал с пояса садовый нож и начал осторожно, как хирург, отщипывать рану от осколков деревесины. Затем велел Петру принести ведро воды из Игрницы, но Петра опередил Митка Кручинин. Красный от смущения, он схватил ведро и пулей помчался к реке. Когда вода была принесена, Михаил Аверьянович, все еще не глядя на вынато ветревшегося возле него парня, замешал черезом на глине, замазал углубление, а поверх стелил красноватый сок крапивоного мешка. — Ну, как теперь? Полегало? Добро. Весной заручется.

— У не заручится, — обронил за спиной отца Петр и будто кияпком плесканул на эту широкую собенную спину.

Михаил Аверьянович выпрямился, глянул на сына, таяко выдохнул: — Ирод. Ни да б ему, ни покрывши — то му Гитлеру!

— Отец, ты того... отдохнул бы, а? — Петру хотелось сказать старухе что-нибудь доброе, а слов не было и во рту уже пересыхало.

Петр отвернулся, заспелся в терновник и начал пригоризами бросать в рот кисло-сладкие, покунтые в зиму ягоды. Терпкие, они вызвали обильную слюну. Петр жадно пил эту бражную слюну и, хмеля, оствал. Какие-то невидимые пружины, взявшие было сердце в железные тиски, ослабели, отпустили поменьше, в груди становилось просторнее, дышалось вольготнее, на лбу быстро высыхал пот, окружающий его мир ширился, властно манял к себе, бе, рождал в сердце незнакомую, жажду бытия, долго не утешивался, беэумучно жаждал труда. И, вглядываясь в свой, какой-то особенный смысл в слова, он тихо воскликнул: — Вернулся! — и повторил дважды: — Я вернулся! Вернулся!

МНЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ французского писателя Андре СТИЛЬ, французский писатель

Во-первых, непоколебимая позиция советского премьера после полета американского воздушного шпиона и на совещании в Париже представляется новым доказательством искренности советской мирной политики. Государственный деятель, для которого подобная политика была бы лишь лицемерным тактическим маневром, средством обмена противника, позволяющим маскировать миролюбивыми декларациями подготовку к враждебным действиям, вал бы себя совсем иначе. Он посмотрел бы на все это сквозь пальцы и не стал бы подчеркивать подлинное значение этого инцидента.

Но человек, действительно по-настоящему желающий добиться международного разрядки, добиться мирного сосуществования, не мог согласиться на тот обмен, криком неизбежно оказалось бы совещание в верхах при сложившейся ситуации, и сделать вид, будто ничего не случилось. Совещание оказалось бы обменом: ведь народам попытались бы представить как подлинный переговоры то, что в действительности было бы лишь нечастной попыткой завуалировать действия, недопустимые в мирное время. Разве возможно такое публичное притворство, разве возможно такое разговаривать лояльно, искренне желая прийти к хорошему результату, если один из участников переговоров втайне продолжает свои агрессивные приготовления?

Приняв решение сказать народам правду, сделать перед ними все логические выводы, Никита Хрущев был уверен, что он заденет их сердца, всколыхнет умы. Импералисты располагают огромными средствами воздействия на общественное мнение; в первые дни им еще кое-как удавалось подтасовывать карты, облекая агрессию и завладев всю явку на жертву агрессии. Но подобная ложь недолговечна.

Так что же лучше — честно осудить акты, противоречащие идее переговоров, или же продолжать эти пагубные действия и лишь разыгрывать комедию совещания в верхах? Что лучше — откровенность или лицемерие, откровенность, поставленная на службу миру, или лицемерие во имя войны? Ясно, что и в моральном, и в политическом плане предпочтение следует отдать первому! Народы всегда чутко воспринимают факторы морального порядка. Не менее остро реагируют они на существо дела, то есть на ту опасность, которую несет всему человечеству проищи Соединенных Штатов. Ведь в конечном счете реакция СССР на этот полет, реакция, направленная на защиту своего национального суверенитета и своей безопасности, была одновременно и выступлением в защиту мира, в котором заинтересованы и мы. Ведь всем ясно, что для атомной войны, и даже, если можно так выразиться, для «атомного инцидента», государственных границ не существует. Представьте себе, что случится бы, если бы на борту американского «испытательного» самолета, летящего над советской территорией, имелась атомная или водородная бомба!

Чтобы начать настоящие переговоры, надо прежде всего решительно отказаться от подобных провокаций. Это следует потребовать по крайней мере от тех, кто не смотрит на народы, как на малых детей, которых можно позабыть, обмениваясь торжественными рукопожатиями на дипломатической сцене, а во время как за кулисами втихомолку ведется совсем иная игра, чреватая серьезнейшими последствиями. СССР доказал серьезность своих намерений, свою волю идти по дороге мира. А примирительное отношение к агрессивным действиям наказывается служением миру. Это называется Мюнхеном. Что же до Мюнхена, то, как известно, во Франции о нем вспоминают без всякого удовольствия. Мы помним, что было после Мюнхена. Помним 1940 год: толпы солдат и беженцев, беспорядочно двинувшиеся на юг страны, кровь и грязь, воздушные бомбежки (тогда еще не было атомных бомб). Помним разгромленную и оккупированную Францию.

И НАКОНЕЦ, огромное воздействие на умы французских читателей оказывает растущая мощь Советского Союза, а следовательно, и всего лагеря мира. Это стало особенно очевидным в связи с событиями последних недель. Велики честь и заслуга социалистических стран, которые свою мощь обращают не на войну, а на цели мира и разоружения. Эта мощь реальна, она существует. Стремление к соглашению, проявляемое Советским Союзом, отнюдь не свидетельствует о его слабости. Нет другой страны на свете, желющей более горячо, чем СССР, чтобы одна ракетка не запущена больше целью разрушения. Но если над территорией Советского Союза совершается провокационный полет, если советские ракетные войска сбивают шпиона или наносят удар по базе, откуда он вылетел, то как же это следует оценить с точки зрения здравого смысла, который пока еще существует на родине Декрета? Здравый смысл подсказывает французам, что в данном случае Советский Союз осуществляет свое вполне законное право. Больше того, они понимают, что его действия отвечают общим интересам всех миролюбивых народов.

Вот почему самые проницательные сторонники мира воскликнули «бравво!», когда у знаменитых астрономических часов на ратуше всегда, в любую погоду, собирается огромная толпа не только туристов, но и прагматических стариков.

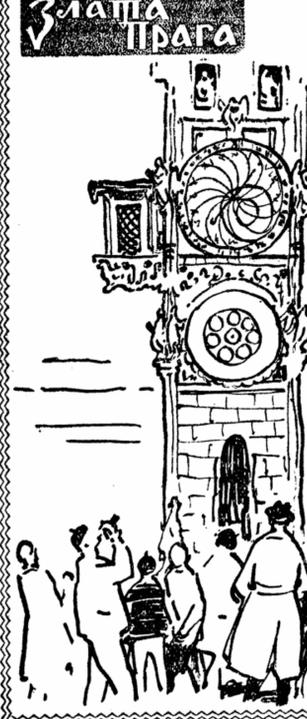
Часы действительно паразитальны. Здесь красота во всем. И помещенные в них, святы и смерть, отбывающая часы жизни, и иррациальный пуг — все удивительно художественно.

А. КОКОРИН

НАШИ ГОСТИ

Вчера редакцию «Литературной газеты» посетили гостиные в Советском Союзе английские писатели сэр Чарльз Сноу и госпожа Памела Хэнфорд Джонсон. Гостей принял главный редактор газеты С. Смирнов. Во время беседы, прошедшей в теплой, дружеской обстановке, английские писатели и сотрудники редакции обменялись мнениями по поводу состояния английской и советской литературы.

ЗЛАТА ПРАГА

Вчера в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня смерти замечательного американского писателя О. Генри. Во вступительном слове писатель Валентин Катаев сказал о большой любви советского читателя к О. Генри. С интересом и содержанием докладом о жизни и творчестве писателя выступил А. Анкист. Докладчик говорил о гуманистической и демократической природе рассказов О. Генри. «Этот американский писатель явился в литературе голосом простых людей Америки, которые, будучи детьми отечества, заботились о судьбе современного ему человека. Своим здоровым существованием стремились и утверждению человечности в обществе. Творчество О. Генри является как бы юриспруденциальной энциклопедией его времени, но этот юмор с детства времени все чаще сочетается с элементами социальной критики».

Новеллы О. Генри радуют необыкновенно интересным построением сюжета, неожиданными неожиданностями. Веселый юмор писателя выражает его оптимистическую веру в то, что лучше начать в человеке доброту, чем бороться с ней. «Мы писали кровью сердца», — сказал О. Генри в одном из своих рассказов. Отсюда — печаль веселых историй О. Генри, глубоко задушевное отношение к каждому современному человеку. Но эта печаль никогда не переходила в отчаяние и пессимизм. О. Генри верил в людей, верил в то, что и жизнь будет лучше. В ряду писателей-гуманистов О. Генри всегда будет занимать почетное место. Теплота и человечность писателя дороги его читателям во всем мире.

50-ЛЕТНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ О. ГЕНРИ

Вчера в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня смерти замечательного американского писателя О. Генри. Во вступительном слове писатель Валентин Катаев сказал о большой любви советского читателя к О. Генри. С интересом и содержанием докладом о жизни и творчестве писателя выступил А. Анкист. Докладчик говорил о гуманистической и демократической природе рассказов О. Генри. «Этот американский писатель явился в литературе голосом простых людей Америки, которые, будучи детьми отечества, заботились о судьбе современного ему человека. Своим здоровым существованием стремились и утверждению человечности в обществе. Творчество О. Генри является как бы юриспруденциальной энциклопедией его времени, но этот юмор с детства времени все чаще сочетается с элементами социальной критики».

стала одним из наиболее подлых приемов, к которым прибегает реакционная пресса. Едва Никита Хрущев появился в Париже, сразу же прозвучали самые обычные слова дипломатической вежливости, как в прессе сразу же появились самые фантастические комментарии, самые нелепые выдумки — лишь бы обмануть французам, лишь бы исказить правду и заново позолотить герб де Голля. Пресса стремилась создать иллюзию, будто де Голлю удалось «умиротворить» Эйзенхауэра и будто в обмен на это Хрущев готов обойти вопросы, неудобные для президента Франции, в частности вопрос об Алжире. Иные писатели дошли даже до того, что «анализировали» противоречия якобы имеющиеся между французскими и советскими коммунистами, в вопросе об оценке режима генерала де Голля и его политики. Поистине, что в действительности все обстояло совершенно иначе. Одно из главных достоинств речи Хрущева состоит в том, что она и в это внесла полную ясность.

Дело не в том, каковы слова и намерения (даже искренние) провозглашаемые руководителями государств: существенны лишь факты, в частности те, что определили вхождение Франции в разного рода «атлантический» организации, действующие по американскому указу. Из этого следует не только то, что де Голль выступил как сообщник Эйзенхауэра. Даже те французские комментаторы, которые вполне благожелательно относятся к де Голлю, отмечают, что если он и пытался воздействовать на Эйзенхауэра, то разве что в плохом, но никак не в хорошем смысле.

Значит ли это, что теперь французам все уже ясно? Конечно, нет. В последнее время можно было наблюдать, что некоторые люди, в том числе «левые» представители мелкой буржуазии, все еще исповедующие антикоммунизм и «антисоветизм», были явно удивлены «живостью» советской реакции на полет американского самолета-шпиона. Это говорит лишь о том, что в такой стране, как Франция, где существуют американские военные базы, где существует то, что иногда решают назвать американской оккупацией, где целые аэродромы предоставлены в распоряжение западногерманской военной и где разведка обходится без шпионских полетов, ибо ее можно осуществлять через легальные каналы «атлантических» организаций или путем непосредственного (но одностроннего) контакта между Вашингтоном и Парижем, в такой стране имеется опасность утраты истинного представления о национальном суверенитете, о государственной безопасности, о справедливых условиях сосуществования народов.

Но при такой ситуации нет ничего более полезного, чем ясно разоблачение угрозы миру, которую несет с собой американский империализм, разоблачение того активного пособничества Вашингтону, которым занимают наше правительство и его гала, прикрывающиеся бесстыдной демагогией и разглажающиеся «величия» политики, якобы укрепляющей «величия» Франции.

Что касается Алжира, то после провала суэцкой аферы, после окончания войны в Индокитае все то, что Хрущев говорил о колонизаторской политике нашего нынешнего правительства, которое подавляет народ, отныне сражающийся за свою свободу, — все это полностью доходит до французских ушей, которые ясно понимают, что своими практическими делами в Алжире де Голль лишил всякого положительного смысла обещание о самоопределении, некогда данное им алжирцам.

И НАКОНЕЦ, огромное воздействие на умы французских читателей оказывает растущая мощь Советского Союза, а следовательно, и всего лагеря мира. Это стало особенно очевидным в связи с событиями последних недель. Велики честь и заслуга социалистических стран, которые свою мощь обращают не на войну, а на цели мира и разоружения. Эта мощь реальна, она существует. Стремление к соглашению, проявляемое Советским Союзом, отнюдь не свидетельствует о его слабости. Нет другой страны на свете, желющей более горячо, чем СССР, чтобы одна ракетка не запущена больше целью разрушения. Но если над территорией Советского Союза совершается провокационный полет, если советские ракетные войска сбивают шпиона или наносят удар по базе, откуда он вылетел, то как же это следует оценить с точки зрения здравого смысла, который пока еще существует на родине Декрета? Здравый смысл подсказывает французам, что в данном случае Советский Союз осуществляет свое вполне законное право. Больше того, они понимают, что его действия отвечают общим интересам всех миролюбивых народов.

Вот почему самые проницательные сторонники мира воскликнули «бравво!», когда у знаменитых астрономических часов на ратуше всегда, в любую погоду, собирается огромная толпа не только туристов, но и прагматических стариков.

Часы действительно паразитальны. Здесь красота во всем. И помещенные в них, святы и смерть, отбывающая часы жизни, и иррациальный пуг — все удивительно художественно.

А. КОКОРИН

американский самолет разведки «У-2» был сбит первой же советской ракетой. Они так же хорошо понимают, что предупреждение маршала Малиновского является не угрозой, а средством (его действительность уже подтвердилась) обуздания любителей играть с огнем, безрассудных акробатов «рассчитанного риска», государства, позволивших устроить на своей территории чужие военные базы. Это не воинственный, но мирный акт.

И что особенно важно: стало ясным, что силы мира не вымалывают разрядки, что они вовсе не намерены умиротворять поджигателей войны. Разрядка может быть достигнута лишь как успех сил мира, как их шаг вперед. С этой точки зрения в высшей степени значительно и откровенно заявление Хрущева о том, что участию в будущих переговорах должны быть привлечены великие державы Азии — Китай, Индия, Индонезия. Этот призыв вдохновлен убежденностью, что подобное совещание не должно ограничиться урегулированием спорных вопросов прошлого, последствием горячей и холодной войны, но подумат также и о будущем, которое несет с собой огромные изменения. Вот, поистине, одна из тех выдающихся идей, которые выражают люди, верно ощущающие бегущее плуся нашей эпохи.

Неудача совещания в Париже не есть отступление. Эта неудача способствовала прояснению многих вопросов, и благодаря этому будущее совещание в верхах принесет желанные плоды.

Сознание народов обогатилось, и они будут лучше отстаивать мир.

ПАРИЖ, 3 июня. (По телеграфу).

Четвертого июня исполнился шестнадцатый лет со дня освобождения Рима от наци фашистского ига. Среди римлян, борющихся против гитлеровских оккупантов и итальянских фашистов, была значительная группа советских граждан. Одним из организаторов антифашистского подполья партизанского движения советских людей, оказавшихся во время войны в Италии, явился Алексей Николаевич Флейшер, живущий ныне в Ташкенте. Мы публикуем заметки А. Флейшера, относящиеся к дням освобождения Рима в 1944 году.

В ОТ УИЕ вторую ночь непрерывным потоком тянутся гитлеровские обозы по улице Номентана. Уныло стучат подковы лошадей по асфальту темной широкой улицы, окаянной с обеих сторон старыми каштанами. По тротуарам шаркают сапогами обозники. Вдруг — скрип тормозов, резкий окрик: «Шнеллер, шнеллер! Доннервертер, шнеллер!» Это остановился автомобиль с камином начальником. Остановился под самым балконом виллы «Тай». И как это гитлеровскому офицеру не пришлось в голову новизнабельные взгляды в листву, за которой скрываются всемогущие зоркие вооруженных советских юнцов, только что вернувшихся из окончательной операции на дороге в Тиволи! Мог ли он думать, что остановился возле дома, от которого тянутся нити и более чем сорока конспиративных квартир советских подпольщиков, дома, где постоянно поддерживается связь с боевыми действиями итальянских партизан — советских граждан.

На вилле «Тай» — радостное и одновременно боевое настроение. У окон со спущенными железными шторами дежурят автоматы.

— Алексей Николаевич, разрешите!.. — обращается ко мне командир отряда Петр Конопелько.

— Что разрешить-то?

— А ударили! Зашвырять их «помидорами». Вот бы каша заварилась! — Петр показывает на линии с итальянскими ручными гранатами, прозванными за их красный цвет «помидорами».

Это в самом деле заманчиво — использовать случай и устроить панику среди отступающего врага. Но...

— Нет, товарищи, мы, советские люди, должны показывать здесь пример отменной дисциплинированности. А дисциплины наши приказ не допускает двойного толкования. Вот, пойдем-ка...

Мы с Петром проходим длинный коридор на втором этаже и попадаем в маленькую потаенную комнату. Я включаю радиоприемник. Да, снова — вот уже третьи сутки — по радио передается зашифрованный приказ союзного командования для сил Сопротивления в Риме: «Слон!..», и снова: «Слон!..»

— Этот аллегорический приказ означает, Петр, что в Риме должны пока сидеть спокойно, ждать, не применять оружия.

Петр задумывается, и глаза его полны сомнениями.

— Давай, Петр, подумай лучше о другом: где бы нам раздобыть красной материи? Вот уже вторую неделю я не могу найти подходящего материала для нашего советского флага. А ведь он должен развеваться над этим домом после освобождения!

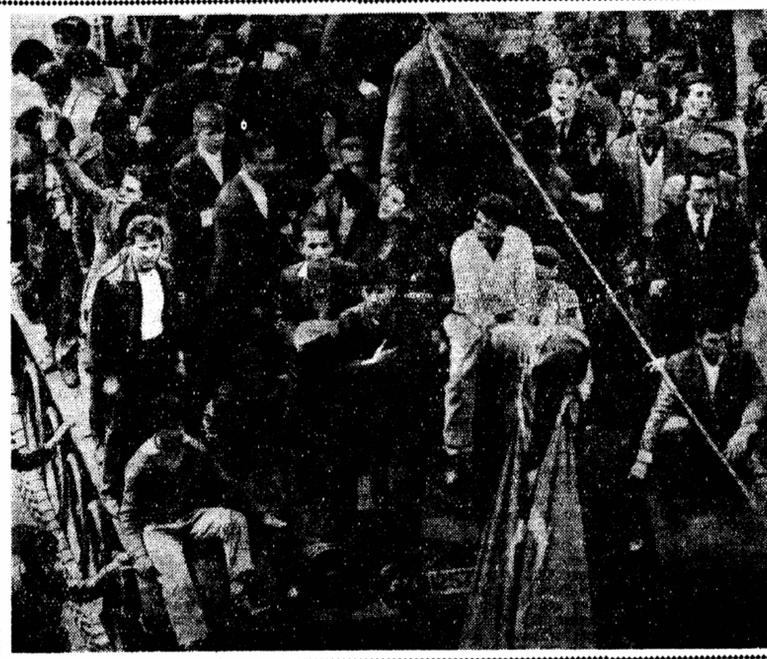
— Так зачем его искать, если он туточни?

— То есть как — туточни? — А вот так!.. Теперь пошли со мной!

Мы вышли в коридор.

— Ребята, Алексей Николаевич, оказывается, шит красную материю. Из большого шкафа ребята вытащили солидные рулоны. На полу в коридоре развернулось огромное красное полотно, вскоре на самом большом красном полотнище зазолотились сери и молот, а на флажке поменьше — «URSS». Распорили также темнокрасный тюрик; на получившейся широкой ленте написали по-русски и по-итальянски: «Смерть фашизму!» Все!

— Кажется, что и все! — доложил, войдя в комнату, дежурный. — На улицах тихо — видать, все ушли. Мы поднялись на самый верх крыши. Поразила необычайная тишина. Прекрасно!

Картину, которую вальцуют фотографы-корреспонденты французского журнала «Пари-Матч», можно было наблюдать 27 мая на многих улицах Анкары и Стамбула. Любопытный народ с огромной радостью встречал здесь о сержанте ненавистного правительства американского кохулу Адлана Мендереца.

Катастрофический провал акарских маршонов Вашингтона с неопределенной силой подтверждает глубокую правоту слов Н. С. Хрущева: «...Народы сейчас поднимаются на борьбу за свою независимость, за то, чтобы сбросить подставные правительства, которые служат не своему народу, а монополиям США... Мы являемся свидетелем того неисторического процесса, когда народы сбрасывают гнет реакционных режимов. Нет такой силы, которая могла бы помешать этому неизбежному процессу. Не спасет авторитарные режимы и поддержка американских шпегеров».

Это происходило в Риме...

Алексей ФЛЕЙШЕР

Время поднимать флаг нашей Родины. Отряд Конопелько выстроился на балконе. Гордо поднимает красное полотнище с серпом и молотом. И раздаются величественные звуки песни, известной всему миру: «Широка страна моя родная!» И вот, подхваченная чудесными голосами итальянцев, эта советская песня разнеслась над Римом. «Да здравствует Советская Армия!» — то и дело раздавалось в толпе. А за песней Дунаевского зазвучала призывная, боевая песня «Бандьера rossa» — «Красное знамя». О, ее тоже очень хорошо знали партизаны из Сибири. И, наверное, никогда в жизни они не пели с таким чувством, как в то утро...

Передо мной лежит пожелтевший номер итальянского журнала «Фолла» от 12 апреля 1945 года. Он раскрывает ту страну, где напечатана статья римского адвоката Оливьери «Русские в Риме». Оливьери — прекрасный человек, активный участник Сопротивления. Вот что он пишет: «Русские, согласно заблаговременному разработанному плану Алексея, выдвинулись в больших количествах виллы «Тай», принадлежавшей союзникам оси Берлин—Рим—Токио и расположен-

Время поднимать флаг нашей Родины. Отряд Конопелько выстроился на балконе. Гордо поднимает красное полотнище с серпом и молотом. И раздаются величественные звуки песни, известной всему миру: «Широка страна моя родная!» И вот, подхваченная чудесными голосами итальянцев, эта советская песня разнеслась над Римом. «Да здравствует Советская Армия!» — то и дело раздавалось в толпе. А за песней Дунаевского зазвучала призывная, боевая песня «Бандьера rossa» — «Красное знамя». О, ее тоже очень хорошо знали партизаны из Сибири. И, наверное, никогда в жизни они не пели с таким чувством, как в то утро...

Время поднимать флаг нашей Родины. Отряд Конопелько выстроился на балконе. Гордо поднимает красное полотнище с серпом и молотом. И раздаются величественные звуки песни, известной всему миру: «Широка страна моя родная!» И вот, подхваченная чудесными голосами итальянцев, эта советская песня разнеслась над Римом. «Да здравствует Советская Армия!» — то и дело раздавалось в толпе. А за песней Дунаевского зазвучала призывная, боевая песня «Бандьера rossa» — «Красное знамя». О, ее тоже очень хорошо знали партизаны из Сибири. И, наверное, никогда в жизни они не пели с таким чувством, как в то утро...

Здесь много «ребяты», собравшихся со всех концов города и его окрестностей. Дружка итальянцы поздравляют их, а они поздравляют итальянцев, своих добрых друзей по душе и оружию. Они крепко обнимаются и выражают свои чувства русским троестратным поцелуем...

Прошло девять месяцев. Служащий, синьор О. (сам Оливьери. — А. Ф.), больше уже не маскируется под хромого нищего. Иван, Григорий, Алексей, Дмитрий, Федор, Жорж, Михаил... вернулись на свое место, на советский фронт. Вспоминают ли они своих друзей? Вспоминает ли он своих друзей? — Луиджи, Джузеппе, синьора О., Цезаря, Марио дилю Джованни? Прощайте, прощайте, дорогие, brave, добрые советские ребята! Или, вернее, до свидания! — do свидания!

Дорогой друг Оливьери! И сейчас, когда прошло уже не девять месяцев, а шестнадцать лет, и тогда, когда придет еще шестнадцать, и еще шестнадцать лет, мы всегда с самым горячим чувством будем вспоминать о тебе, о наших добрых и отважных боевых товарищах. Мы тоже не хотим пользоваться этим грустным словом «прощайте». «До свидания», ибо мы твердо верим в нашу радостную встречу.

В ПОИСКАХ СЮЖЕТА

НЕГРИТЯНКА, которую я недавно встретил в Сибири...

Н. Н. МИХАЙЛОВ

Но лучше сначала сказать, почему берусь за перо.

Ведь правда, путевой очерк не должен быть линейным, как сама дорога? Поехал, приехал, увидел... Такого недорого стойт.

Плоский — не годится. Не форма. Но как сделать его объемным? Подчиненным единой идее и соразмерным с нею, не наизощренным, а построенным, если хотите — сюжетным? Чтобы он захватывал и шелкнул. Чтобы — по Черкузову — ружье выстрелило, и цветок — по Гете — распустился. Как очерк слить с рассказом?

Можно, конечно, придать дорожному факту, говоря словами Паустовского, «легкое сияние вымысла», но ведь сам-то факт, основу жанра, не измыслишь, не переиначишь — он задан. И он драгоценен. Нет, документальная новелла — дело нелегкое.

И вот в поисках сюжетного круга сам в пути пытаешься «загадывать» факты, вызывать их и отбрасывать, ударять друг о друга — зазвучат ли?..

В Иркутске, утром, за завтраком, я столкнулся с негритянкой. «Morning, lady!» — наелся я сказать ей, и этим сразу завоевал доверие, потому что она не знала по-русски ни слова. Курчавая, с белыми ладшами, с бриллиантовым крестиком на шее, в пестро-желтом одеянии и в красных сафьяновых туфельках. Широкий шарф облегал не голову, не плечи, а бедра.

Поиски сюжетного факта — эта вечная работа...

— А ну, поехали на Байкал! Шестидесяти километров от города. Самое глубокое озеро в мире, глубже всякой Танганьики. Сердце Сибири. Возможно...

но, вы будете там первым в истории человеком из Африки.

И мы отпраздновали. Ее звали Грэйс Айенсу. О Байкале она не имела никакого понятия, как равно и о всей Сибири. И все же она была человеком сегодняшнего дня — несла в себе порыв, надежду и противоречия подвизавшей Африки. Золотой Берег сбросил власть англичан, стал Ганой, и Грэйс — владелицу магазина — избрала советником муниципалитета в городе Секонди. Сейчас она — уверенная, смелая — летит в Китай с докладом о движении африканских женщин.

Я беру негритянку на Байкал. Факт добыт редкий, но как мне о нем рассказывать? На чем рассказ построить? Где должна проскочить электрическая искра? С чем прийти в газету? Как избежать этого страшного редакторского «ну и что?».

С мучительным трудом вскал я в развороте мостика на Африне...

Выбравшись на машине из города, пересекли площадь Декабристов, иркутские «Черемухи» с широчайшим строительством жилищ. Начинают строить и у них, в Гане... Нет, не выходи. Не та связь. Важно, но в данном случае — не главное.

Завернули на Иркутскую ГЭС, подошли по плотине. Есть расчет на реки и у них, на Гвинейском берегу. Отлично, теперь Африка другая... Но с ангарскими замыслами никак не сопоставишь.

С увала на увал едем по грейдеру. Стоило нам углубиться в тайгу, и африканка замолкла, увала — голые окрестности Иркутска ей нравились больше. Почему бы? Лес у города вырублен, кое-где стоят березки в одиночку... Ага, в далекой Сибири она вспоминала родную саванну — деревья там тоже растут враспыленно. Любопытно. Но мелко. Штрих, а не тема.

Вот Грэйс уже и дремлет. Ланы хвон над просекой. Сено в копнах. Розовые метелки иван-чая. Доштые крышки деревьев. Синий разлив Ангары, он как по лезалу врезан в зеленые мохнатые сопки... Что же мне найти, что найти?

Ну, думаю, приедем — там, ключ подберу. Либо негритянка проявит себя перед повиданной панорамой Байкала, либо байкальцы изумятся, увидев негритянку. И родится идея.

Вот долина распахнулась за Шаманским камнем, торчавшим в истоке Ангары (я заметил — от подпора воды плотинной гидростанции он за последние годы стал маленьким), и простерлось,

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОТОАЛЬБОМА

НЕДОРОГАЯ ПАМЯТЬ

Парижский журнал «Пари-Матч» поместил снимок трехлетней давности, на котором запечатлен момент, когда покойный государственный секретарь США Джон Фостер Даллес бывший премьер-министр Ирана Нури Саид (убит восточными народами) и бывший премьер-министр Турции Аднан Мендерец (ныне содержащийся под стражей) обменялись рукопожатиями, демонстрируя свою приверженность Багдадскому пакту.

Багдадский пакт сменяла СЕНТО. — Что уж никто теперь ни центра — Едва ль меж ними есть контраст. — За эту карточку не даст. — Эмиль КРОТКИЙ

замерзла необозримое море, свернувшись ли снега на голубых горах Хамар-Дабана...

За Лястивляк мы по крутой тропе спустились к прибою. Сели на ствол сосны, добеда оточенный волнами...

Набегала прозрачная вода. Велт легкий и чистый «кулук», ветер с юга.

Пересыпая мокрые намушки из ладони в ладонь, Грэйс спросила меня: — Чье правительство контролирует эти прекрасные места?

Такой вопрос мог задать лишь человек, выросший в колониальной Африке! Но сюжета мне из этого не сделать...

И надежда на изумление байкальцев не оправдалась. Черная женщина в манеречной тоге прошла меж лиственниц, мимо изоб с наличниками, а вслед и не оглянувшись, хотя следили пылито. Сибиряки — люди с гордым достоинством, с царем в голове...

Домик лимнологической станции, Грэйс распилала в книге посетитель. В комнате-музее негритянку водят от одной диаграммы к другой: промеры, температура воды, состав планктона... От банки к банке: в спирту сидят омули, рачки, томоланки. За окном — озерная гладь: еле видный дымок паровоза на другом берегу. Я тоже бреду, довольный собой, не добывший ключа, не способный завязать узелок.

Соломой или опилками набит усаты тюлень. Говорю: — Это наш крокодил.

В углу находилась живая сова, желтые стекляшки глаз ослеплены светом дня: — А это наш попугай.

Что же мне делать? Африканка в русской глубин. Далекое сближение — вот тут-то и нужно искать фальбульную точку. При всех различиях строя и быта — что нас связывает? Надежда счастья независимости. Тяга к обществу. Дети Земли, хотим полной жизни. Гана и Советский Союз — разные континенты — одна и та же планета. Ах, отыскать бы этот образ единства...

Вот он! — Грэйс, скорей сюда!

Она подбегает к чертежу на стене. И — наконец-то — вся вспыхивает: красивые штрихи на черной сетке материков связывают Сибирь и Африку, озера Байкал и Танганьик!

«Геологические аналогии в происхождении Байкала. По Е. В. Павловскому и Клоусу.» На ватмане резкие длинные линии — знак одинаково узких и одинаково глубоких впадин-гравен в разных концах земного шара, единой планеты, жилища Человека.

Тектонические силы с поразительным сходством в одно и то же триетное время по каким-то общим земным законам разломали и продавили кору, и в морщинах земля Земля наделись вытянутые по долготе, странно похожие друг на друга озеро-братья: здесь, за окном с узорчатыми ставнями, и далеко там, у зарных черных ног Кильманджаро...

Наверно, очерковая новелла из этого могла бы получиться.

Д ОЛЖЕН сознаться, что я не без удовольствия прочитал письмо тов. В. Беляева...

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ

В. КАВЕРИН
В. Беляева, печатанное в «Литературной газете» от 14 мая...

Ответ тов. В. Беляеву
пойти в загс? Кто мешал ей проверить, что такое Соляков?

а «законы виноватых»?
С какой целью рассказал мой корреспондент эту историю?

«Поделилась». Фото читателя В. Калининова

Кстати, и В. Беляев не сомневается в том, что Соляков виноват. Он обвиняет его, даже не пытаясь, как это сделал я...

Несколько раз перечитав ваш ответ, я вернулся к документам, официальным и неофициальным. Я попытался, хотя это было трудно...

Но допустим даже, что Лариса виновата. Допустим, что и по ее вине появилось на свет «третье заинтересованное лицо»...

Итак, как Лариса П., нам надо помогать, не давая ни опускаться морально и физически. Выше голову, Лариса!

ЛЮБОВЬ... ЗАКОН... ДЕТИ...

Действующее законодательство — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года...

БАТУМСКАЯ НАХОДКА

В «Литературную газету» пришла письмо из Батуми читательница В. С. Козина...

СТРАННАЯ ЗАБЫЧЛИВОСТЬ

Дорогая редакция! В номере вашей газеты за 21 мая 1960 года...

ПРОСЬБА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА КРАСН. КР. КАУНА

Просьба Председателя Общества Красн. Кр. Кауна изсследовать провоз для лошадей...

Судья, а не прокурор...

Уважаемый товарищ Козлов! Издательство «Молодая гвардия» недавно познакомило меня со своей перепиской с Вами...

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Уважаемая редакция! Посылаю вам эту фотографию в надежде, что вы можете разгадать тех, кто не решился прийти мимо памятника архитектуры...